

75 ПОБЕДА! 1945–2020

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...»

воспоминания о военном детстве ветерана Свердловского областного отдела здравоохранения, историка медицины

Клары Ивановны КОЗЬМИНОЙ

Клара Ивановна Козьмина (22.04.1930) – заместитель заведующего Свердловского областного отдела здравоохранения по медицинской помощи детям (1974–1987), главный специалист МЗ СССР по республике Киргизстан, доверенный врач Советского детского фонда им. В. И. Ленина (1989–1991), исполнительный директор Фонда социальной помощи медицинским работникам им. Н. С. Бабича (1993 – 2017), историк медицины, кандидат медицинских наук, «Отличник здравоохранения», ветеран труда, кавалер ордена «Дружбы народов».

«Если завтра война...» - так мы пели вчера. И вот сегодня она наступила, и уже не в песне. В приграничных областях, в столице, больших городах население, возможно, и ожидало войну. А в глубинке, в деревне на Урале радио не было, газет не читали, и мы, дети, не только ее не

предчувствовали, но и после ее начала какое-то время по-прежнему жили довоенной жизнью.

Война к нам пришла, когда началась массовая мобилизация мужского населения, и мобилизованных увозили на открытых грузовиках-«полуторках». В народе не было страха: помнили финскую войну, которая для деревенских жителей была где-то далеко и быстро закончилась.

Когда мужчинам, работающим в сельпо, в первые дни войны пришли повестки о мобилизации в Армию, они обратились к маме с просьбой: «Паша, пока мы воюем, поработай продавцом, обеспечь наши семьи основными продуктами». В магазине оставили запасы муки, соли, сахара, спичек, керосина. К большому

сожалению, один из них не вернулся, второй вернулся тяжело раненым и через несколько лет умер от ран, оставив троих детей.

В небольшую деревню Волково Красногорского района г. Каменск-Уральского не вернулось 99 мужчин, призванных в Красную Армию. В центре деревни на территории церкви установлен памятник селянам, погибшим в годы войны.

Для нас, деревенских, война была где-то далеко. Более ощутимо мы почувствовали войну, когда из Подмосковья начали поступать вместе с заводом эвакуированные.

До войны за деревней началась стройка завода, территория была огорожена деревянным забором. На эту территорию завезли заводское оборудование; семьи рабочих и служащих размещали в дома крестьян нашей деревни. В нашей избушке «на курьих ножках» свободной площадью была только русская печь; её и занял наш постоялец. Семьи инженерно-технического состава заселили в горницы деревенских изб. Как только отогнали немцев от Москвы, часть семей возвратилась в Москву.

Заводчане тотчас приступили к строительству барачков, школы, бани. Поселок назвали «аварийным». К первому сентября 1942 года школа принимала первых своих учеников как из аварийного поселка, так и из деревни Волково и поселка «Красная Звезда». Таким образом, школа № 2 в соцгородке Уральского алюминиевого завода «разгрузилась», и в классах обучалось от 25 до 30 учеников и в две смены, что по тем временам было достаточно хорошо.

Рассматривая школьные фотографии военных лет, на детских лицах отпечатка голода не видишь; но с питанием было очень тяжело, всегда хотелось есть. Когда в доме появлялся ежедневный паек в 300 граммов хлеба, к нему тянуло, как к конфетке; отрежешь тоненький кусочек, в уме думаешь: «надо маме оставить». Не всегда это получалось; как гласит русская пословица, «голод не тётка». Каждая семья питание обеспечивала как могла, и способов было много.

Семьи, отцы которых сутками работали в цехах на Уральском алюминиевом заводе, получали по карточкам 1000 гр. Их дети жили по-другому.

Четвертый класс начальной школы в д. Волково Каменск-Уральского района. 1941 год. Клара Козьмина сидит слева от учительницы

Наша семья, мама и я, в разные годы питалась по-разному; сначала главной кормилицей была корова по имени Манька. До марта 1942 года мама работала в сельпо, продуктов питания было достаточно. А когда мама перешла работать почтальоном, питание резко изменилось. Но мир не без добрых людей. Наша знакомая Мария Ивановна работала заведующей производством в столовой для инженерно-технических работников. Она нас обеспечивала обедами с тарелок и картофельными очистками. Кисловатый вкус лепешек из картофельных очисток помню до сего времени.

На второй год мама принимала участие в «приватизации» овса, стояла «на шухере»; работу оплатили овсом. Овес мололи в мясорубке, из полученной массы готовили овсяный кисель. Мама до конца своей жизни удивлялась, как она пошла на этот поступок.

Мама была по деревенским меркам того времени женщиной образованной - два класса церковно-приходской школы. Была талантлива - нигде не училась шить, но в деревне научила шить многих молодых женщин. По неизвестной мне причине она не работала, занималась деятельностью типа «купи-продай»; в то время такое предпринимательство называлось спекуляцией. На рынке она покупала спецовки,

*Мама Клары Ивановны
Козьминой
Пелагея Алексеевна*

шила из них женские кофты и в близлежащих деревнях Курганской области меняла на продукты. В эти деревни жители наших поселков с той же миссией отправлялись зимой с санками за 30-40 км от дома.

Хуже всего с питанием было, когда наша корова Манька заболела бруцеллезом; в табун её не брали. Мама вынуждена была наняться в пастухи к казахам, которые недалеко от деревни, в лесу разбили стоянку со стадом коров (а я была подпаском). Казахи жили во временном жильё - стены из переплетенных ивовых ветвей, промежуток между ними заполнен землей, крыша плоская. Все спали «вповалку»; нам с мамой отвели место у самых дверей. Крыша в дождь протекала, вода лилась на нас. Но самое тяжелое испытание - это пасти коров в дождь. Их кусают осы, они, задравши хвосты, бегут в хлеба, а это называется потрава, и за порчу посевов зерновых можно было получить срок. В этой «рабочей обстановке» я столкнулась и с нищетой, и с оскорблениями; мама, как могла, меня защищала.

Наше питание состояло из картофеля с капустой без жиров; варился этот «деликатес» в чугушке, съедался моментально, но сытным не был. Мама снова проявила предпринимательскую инициативу; пошла в Курганскую область покупать корову. Средств для покупки оказалось недостаточно; пришлось продать

приличный дом и купить землянку, в которой потолок и крыша были совмещены. Однажды ночью это «архитектурное сооружение» свалилось на нас с братом. Проснулись – надо выносить землю из нашего жилища.

С покупкой коровы - её звали Груша - питание улучшилось. Покосов не выделяли, мы с мамой на заготовку сена ходили за 40 км в Курганскую область; из двух накошенных возов один отдавали колхозу (правда, однажды нас обманули, из трех копен забрали две). Вывозили сено на американских машинах марки «Студебеккер». У них ведущие передние и задние колеса, на них можно было одновременно привести шесть возов сена, т.е. на всю зиму.

В том году из-за постоянных дождей картофель в полях не убрали. Жители поселка весной собирали мороженую картошку. Мама приносила по два ведра, мыла, провертывала на мясорубке, делала оладьи. Часть продавала на базаре, часть оставляла дома. Мои подружки, придя к нам в гости, с удовольствием уплетали эти синие лепешки, запивая молоком.

Подружки быстро освоили профессию швеи. Привели в рабочее состояние нашу старенькую машинку французского производства «АФРАНА» и шили для себя «наряды». Раз в неделю коллективно ходили в баню. Других развлечений не было. Это для нас было культурное мероприятие.

Следующая трудность - как отапливать жилище. Дров купить негде, если пойдешь за дровами в лес, поймают и оштрафуют, могут и посадить. Мама уже это проходила. Поэтому отапливаемая площадь сокращалась: русская печь не топилась, в другой комнате, в горенке, была поставлена чугунная печка (такие были в товарных вагонах), верхняя крышка снята, заменена железной с вырезом для чугуна. Для сохранения тепла дверь в прихожую закрывалась полотном. Весь поселок отапливался углем, иногда коксом из Кемерово, который привозили для Красногорской ТЭЦ. Почему-то, когда мы этот уголь брали - по сути дела, воровали, - то ворами себя не чувствовали. Наверное, помнили слова Гавроша: «Когда от многого берешь немножко –это не грабеж, а небольшая дележка».

После окончания школы я обещала маме наносить угля на всю зиму - только чтобы она отпустила учиться в институт. Принесла я около 100 кг и пролежала около месяца на полу.

Отсутствие электричества тоже не украшало нашу жизнь. Освещением служила наполовину разрезанная консервная банка с крышкой и пятью фитильками. Не помню, какая жидкость в банке заливалась, но утром вставали закопченные, как будто работали в кочегарке. Странно - не помню, где и когда я готовила уроки? Литературу читала только по школьной программе.

С одеждой сложностей было меньше, донашивали, что было. До войны тетя подарила мне крепдешиновую кофточку, отделанную плиссе и ювелирными

пуговицами, и за время войны мама сшила мне одно платье типа школьной формы. Куда сложнее с обувью. Из автомобильных шин клеили резиновые сапоги, получались «дутьши»; шили сапоги из брезента. Мама умудрилась даже сшить мне на заказ туфли на высоком каблуке из кожи разного качества; я их оставила на закрытом дворе, и они таинственно исчезли.

Общая атмосфера в деревне, в поселке была грустной; выживали кто как мог. Погода казалась серой, все были уставшие, полуголодные и ждали писем с фронта.

Одно военное лето мама уходила на покос, я работала за неё почтальоном. Более чем семьдесят лет спустя помню одинокую фигуру одной из матерей, её грустные серо-голубые глаза, полные ожидания: нет ли «треугольника» от единственного сына. Трудно смотреть в глаза матери, которая от сына не получила ни одной весточки. Её любовь к сыну согревала и меня, она всегда угощала меня какой-нибудь стряпней - в войну это стоило дорого.

Среди моих друзей были и жертвы войны; Федя при эвакуации попал под бомбежку, лишился половины правой голени и правого предплечья, ходил на протезах. Все мы росли без отцов: у одних были репрессированы, у других призваны в Армию. Об отцах мы никогда не говорили.

Когда кто-нибудь начинал стонать и ныть о тяжелой жизни, мама говорила: «Перестаньте ныть, на нас бомбы не падают».

Радио в поселке не было. Не помню, откуда узнала об окончании войны. Узнавши, тотчас же побежала в школу, где состоялся митинг.

Фрагмент из книги К. И. Козьмина, А. И. Худкова, В. В. Тхоржевская «Охрана здоровья матери и ребенка в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны».